

Николай Добролюбов

**О значении наших последних
подвигов на Кавказе**



Николай Александрович Добролюбов

О значении наших последних подвигов на Кавказе

Под «последними подвигами на Кавказе» Добролюбов имеет в виду взятие 25 ноября 1859 года русскими войсками аула Гуниб и пленение предводителя горцев Шамиля. Эти события не завершили так называемые «кавказские войны», начавшиеся еще в конце XVI века и окончившиеся в 1864 году, но предрешили их исход, что правильно понял Добролюбов. Вопреки всему тому, что писалось в то время как в реакционной, так и в либеральной прессе, Добролюбов утверждал, что «любясь на Шамиля», разъезжавшего под конвоем по русским городам и сменившего аул Гуниб на город Калугу, не следует обольщаться и придавать серьезное значение «словам, непрерывно раздающимся в обществе: “война на Кавказе кончена”»

Содержание

#1	0005
Примечания	0059

**Николай Александрович
Добролюбов**

**О значении наших последних
подвигов на Кавказе**

Восторженные разговоры и статьи о Кавказе и Шамиле были в последнее время так часты, что наконец успели надоесть всем.[1] Один из наших знакомых спрашивал нас даже в прошлом месяце: «Не бываете ли вы в каком-нибудь доме, в котором не говорят о Шамиле? Очень интересно было бы познакомиться...» И, разумеется, такого дома не оказалось и не могло оказаться в целой столице, а может быть – и во всей России. Национальное чувство было слишком сильно затронуто новою славою русского оружия и должно было вылиться наружу в громких, восторженных и продолжительных толках...

Но всеобщность модных толков не исключает возможности высказать и несколько скромных замечаний о деле. Мы решаемся на это среди общего шума восклицаний и восторгов, потому всего более, что в этих восторгах нередко будущее рисуется в слишком оболстительном виде, а на прошедшее обыкновенно не хотят обращать внимания. Оставляя в стороне будущее, которое еще далеко не обозначилось настоящим положением дел, мы именно хотим напомнить читателям

некоторые факты прошедшего, близкие к настоящим явлениям.

Прежде всего заметим, что словам, беспрерывно раздающимся в обществе: «Война на Кавказе кончена» – еще не следует придавать слишком обширного и окончательного значения. Не нужно забывать, что наше теперешнее завоевание простирается только на *левое* крыло кавказской линии, то есть на пространство между верховьями Терека и Каспийским морем, составляющее менее половины враждебного нам Кавказа. Пространство, лежащее к западу от Военно-Грузинской дороги, остается по-прежнему почти недоступно для нас; а между тем владение им представляет несравненно более важности, нежели обладание нагорным Дагестаном. Здесь перед нами открывается часть западного берега *Каспийского* моря, которое и без того открыто для нас; а там *Черное* море, на которое права наши не так велики, особенно после Крымской войны. Кроме того, нужно иметь в виду и то, что Военно-Грузинская дорога, отделяющая левый фланг от правого, вовсе не есть Китайская стена, совершенно уединяющая за-

воеванный нами край от того, который остался непокоренным. У чеченцев и лезгинцев левого крыла существует постоянная связь с абхазцами, адыгами и убыхцами, обитающими на запад от Военно-Грузинской дороги. Следовательно, для удержания и упрочения того, что нами теперь приобретено, предстоит еще много трудностей, и мы, любуясь на Шамиля, разъезжающего по улицам наших городов, никак не должны воображать, будто теперь герои Кавказа могут сложить руки и успокоиться на лаврах. Настоящее значение последних событий может сделаться для нас несколько яснее, когда мы приведем себе на память главнейшие факты из прежней истории наших подвигов на Кавказе.

Настоящее, последовательное стремление к покорению Дагестана началось у нас с начала нынешнего столетия, вскоре после подданства Грузии.[2] Но край этот был знаком нам гораздо раньше и, конечно, мог бы давно быть покорен без больших усилий, если бы Россия могла предвидеть то значение, какое со временем должны получить для нее эти страны. Еще в 1596 году русский отряд, под

начальством Хворостинина и Засекина, ходил в шамхальство, овладел Тарками и даже приступил к устройству укрепленных пунктов по Сулаку. Но, не подкреплённый из России, он в 1604 году был истреблен шамхалом Тарковским; до семи тысяч человек погибло; некоторая часть спаслась за Терек. Затем до Петра Великого не было никакой попытки утвердиться на Кавказе.

При Петре был завоеван, в 1722 году, весь западный берег Каспийского моря: шамхальство Тарковское и ханства Дербентское и Бакинское изъявили покорность; при устье Сулака основана была крепость Большого Креста, в Тарках и Дербенте оставлены гарнизоны; генерал Матюшкин наименован правителем вновь приобретенной Прикаспийской области. Трактатом 1723 года и Персия признала за нами все прикаспийские завоевания на Кавказе. Но в том же году возмутились жители Баку, под предводительством Даут-бека. Их усмирили, Даут-бека отрешили, и на его место назначили Дергач-Кули-хана. Но в следующем году и Дергач-Кули-хан оказался враждебным России; тогда местного правите-

ля совсем уничтожили, а город и крепость поступили в управление русского коменданта. В следующем, 1725 году возмутился шамхал Тарковский, Адиль-Гирей. Он был разбит, взят в плен и сослан в Колу. Спокойствие в крае было восстановлено. Но через десять лет, по договору с шахом Надиром (1735 год), императрица Анна Ивановна добровольно отказалась от Прикаспийской области, потому что она только требовала издержек и войска, а пользы не доставляла никакой.

Через пятьдесят лет опять начинается наше влияние в Дагестане, все по поводу персидских дел. В 1786 году шамхал Тарковский признает власть России; через несколько лет то же делает Мехтулинское ханство. В 1796 году, во время похода Зубова, изъявили покорность все ханства, соседние с морем, – Дербентское, Кубинское, Кюринское, Бакинское, Ширванское и Тальшинское. На в 1797 году Шейх-Али-хан дербентский взбунтовался; его смирили, и он изъявил покорность; ему возвратили власть в ханстве, и он опять возмутился. В 1806 году Дербент взяли русские, а Шейх-Али-хан бежал и через несколько вре-

мени возмутил Табасарань, покорившуюся России в 1796 году. Но в 1819 году и Табасарань была усмирена и присягнула на подданство.

В 1803 году Авария приняла русское подданство; в 1804 году кайтагский владетель Адиль-хан присягнул России. В 1806 году ханства Кубинское и Бакинское снова присоединены к нашим владениям; а в 1813 году, по Гюлистанскому договору, решительно признаны Персиею права наши на ханства Дербентское, Кюринское, Бакинское, Талышинское, Кубинское, Ширванское и Карабахское. В 1818 году вступило в подданство вольное общество Акушинское, а за ним – Сюргинское, Рутульское, Кубачинское. Таким образом, кроме одного ханства Казикумухского, весь Дагестан был тогда в нашей власти. Но в 1818 году хан Аварский Султан-Ахмет взволновал ханство Мехтуллинское и часть шамхальства. Это волнение вскоре было усмирено Ермоловым. [3] Вслед за тем Аварский хан явился у крепости Внезапной с шестью тысячами горцев, но был разбит Ермоловым и принужден бежать в горы. Авария была усмирена; но в 1819 году

взбунтовались акушинцы. Ермолов нанес им страшный удар, и они принесли торжественную присягу на верность России. В 1820 году русские войска овладели и Куму-ком, главным пунктом непокорного Кумукского ханства, и оно приняло подданство России. В 1823 году взбунтовались было мехтулинцы, но были тотчас же усмирены.

Таким образом, еще в 1823 году весь Дагестан был в наших руках, и обладание им считалось до такой степени обеспеченным, что на всем его пространстве содержалось всего до пятнадцати батальонов войска и едва существовало несколько жалких укреплений. Правда, что тогда старались удерживать горные племена в подданстве не столько силою русского оружия, сколько особого рода политикой в обращении с ними. Известно, что до появления мюридизма кавказские племена не имели никакой крепкой связи и были очень разрознены и даже враждебны друг с другом. В особенности же нужно это сказать о самих владетелях. Ссоря их между собою и напуская их на вольные общины, Ермолов, назначенный на Кавказ с 1816 года, умел раз-

дроблять силы врагов и ослаблять их, вовсе не жертвуя русскими войсками. Система его была постоянно успешна до тех пор, пока не явился Кази-мулла, воспламенивший в горцах религиозный фанатизм. Обыкновенно приписывают исключительно этому явлению те волнения, которые начались потом в покорном нам Дагестане; но едва ли это вполне справедливо. Религия сама по себе может, конечно, сильно увлекать новообращенных; но мюридизм ведь вовсе не был новой религией. Это было то же учение ислама, давно знакомое горцам, но никогда до тех пор не исполнявшееся ими. Известно, что для всех мусульман строго обязательна только та часть Корана, которая называется *шариат* и содержит в себе гражданские постановления. Другая часть – *тарикат*, заключающая высшие нравственные предписания, доступна не каждому, и ее последователи представляли всегда нечто вроде монашествующих орденов в мусульманстве. Это-то и были *мюриды*, то есть *последователи истины*. Строгое учение мюридизма никогда не находило себе значительного круга приверженцев. Мюриды поль-

зовались большим уважением мусульман в Персии, Бухаре и пр.; но никогда не воспламеняли массы народа и не приобретали политического значения. Тем менее можно было опасаться их влияния на Кавказе, среди разрозненных племен, да притом еще и плохих мусульман. В 1824 году казалось, что уже ничто не могло вырвать Дагестан из наших рук, и, однако ж, в это самое время власть наша там, немедленно по водворении, начинала уже колебаться. Объяснение этому нужно искать, конечно, не в успехах мюридизма; напротив – скорее самые его успехи нужно объяснять враждебностью горцев к русскому владычеству.

Вспомним, что первым кликом мюридизма на Кавказе был *газават*, то есть война с неверными, завещанная Кораном. В тех странах Востока, где утвердилось свое правительство, газават был забыт; но на Кавказе ничего не могло быть популярнее этого предписания исламизма, и вот почему мюридизм так быстро принял здесь громадные размеры, каких не имел нигде, и получил важное политическое значение. Горцы решались подвергнуть-

ся всем строгостям и неудобствам ислама – не пить вина, накрыть покрывалами женщин, прекратить разгул молодежи и пр. – только чтобы получить надежду на изгнание русских... В пять лет Кази-мулла подготовил уже восстание и в 1829 году мог заговорить прямо и торжественно:

«Говорю вам: доколе Дагестан попирается ногами русских, до тех пор не будет вам счастья. Солнце сожжет ваши поля, не орошенные небесной влагой; сами вы будете умирать, как мухи, и горе вам, когда вы предстанете на суд всевышнего.

Я послан от бога, чтобы спасти вас. Итак, во имя его и пророка призываю вас на брань с неверными. Газават русским!»[4]

И вслед за этим воззванием Кази-мулла является с многочисленным отрядом пред Хунзахом, имея в виду овладеть Авариен). Мы знаем, что в три года своей военной деятельности он не успел ничего сделать: с самого начала был разбит и прогнан, но опять собрался с силами, разбил несколько раз наши войска, осаждал наши крепости, держал в блокаде Дербент, сжег и разграбил Кизляр; но

нигде не успел утвердиться, сам в свою очередь потерпел несколько поражений и наконец, 17 октября 1832 года, был убит, защищая Гимры, главное его местопребывание. В это время почти все восставшее народонаселение было снова усмирено и покорено; сам Кази-мулла еще до смерти своей потерял значительную долю своей популярности между горцами. Но, говорят, странное обстоятельство воспрепятствовало тогда совершенному покорению Кавказа русскими: труп Кази-моллы найден был в таком положении, что одною рукою держался он за бороду, а другою указывал на небо. По понятиям горцев, это именно то положение, в котором должен быть праведник в минуты святых бесед с аллахом. От этого будто бы восстание горцев после смерти Кази-моллы возобновилось с большею силою, чем даже при его жизни. Разумеется, такое объяснение слишком идилично, и едва ли нужно прибегать к чуду для того, чтобы растолковать причины непрерывной ненависти свободных горских племен к русскому владычеству. Все дело разрешается гораздо проще: во-первых, ненависть к чужому

господству вообще сильна была в горских племенах; во-вторых, наше управление на Кавказе не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями. Кавказу придавали гораздо менее значения, чем следовало, и оттого не было там ни хорошо устроенного войска, ни правильно организованного управления. В то же время удержание в своей власти разрозненных и мелких племен считали очень легким и потому не заботились о привлечении обитателей на свою сторону, а поступали уже с ними так, как бы с народом, покоренным издавна и окончательно. Вот несколько примеров тогдашней администрации Кавказского края, которые мы берем из «Перечня событий в Дагестане» г. Окольничего («Военный сборник», 1859, № 1, стр. 169–171).

Административная часть края была в самом жалком состоянии. Командующий войсками в Северном и Нагорном Дагестане не имел при себе правильно организованного штаба; от этого являлась запутанность в переписке и неизбежные от того злоупотребле-

ния. Военные действия, управление казарм, снабжение войск провиантом и боевыми запасами, необходимость следить за покорным нам населением – все это требовало больших отчетностей, огромной переписки, а вести их было некому. Запутанность в делах и упущения превосходили всякое вероятие.

Крайне тягостно было и положение покорных нам жителей Дагестана. Обременяемые нашими требованиями, они роптали на нас и охотно передавались неприятелю при первой к тому возможности.

Например, доставка дров в аварские укрепления лежала преимущественно на койсубулинцах и аварцах, которые за тридцать и за сорок верст должны были идти в лес и, набрав там с трудом скудный ишачий вьюк хворосту, привозили его в укрепление, получая по 20 коп. сер. за каждый вьюк. Нередко женщины, по недостатку ишаков, на своих плечах приносили хворост и в виде сострадания получали тоже по 20 коп. каждая. Когда же все почти Койсубу и большая часть аварцев от-

ложились, укрепления наши претерпевали крайний недостаток в дровах, и нередко солдаты не имели возможности даже сварить себе пищу.

Перевозка провианта была не менее обременительна для жителей. По положению, следовало за доставку четверти из Темир-Хан-Шуры в Хунзах 82 коп. сер., считая за каждую версту по копейке серебром с четверти. (Перевозка эта была вьючная, и на каждую лошадь навьючивали по четверти, что было довольно тяжело и на ровном месте, а не только на такой дороге, какова была из Темир-Хан-Шуры в Хунзах.) Но как операция эта, то есть нагрузка, разгрузка провианта и движение туда и обратно, поглощала не менее восьми дней, то, следовательно, на каждую лошадь приходилось всего по 10 коп. сер. в сутки – цена, решительно не вознаграждавшая труд.

Или, впоследствии, давали за доставку от Темир-Хан-Шуры до Хунзаха по 2 коп. с четверти на версту, накладывая по три четверти на арбу, запряженную парюю волов; таким образом, арубщик, за поездку свою в Хунзах и об-

ратно, получал всего 4 руб. 80 коп. сер., или по 60 коп. в сутки на пару волов. Между тем как при вольном найме от Шуры до Хунзаха за арбу брали не менее 35 руб. сер.; получив же только 4 руб. 80 коп., можно судить, каким притеснением считали жители транспортировку провианта в Хунзах. Преимущественно эта повинность падала на шамхальцев. В 1840 году они выставили до 20 000 арб – из них бесплатно 16 000; в 1841 году – до 40 000 – из них наполовину бесплатно. Кроме доставки провианта, на жителях лежала обязанность содержать по дербентскому и кизлярским трактам чапар (для охранения дороги, вместе с казаками, и конвоирования проезжающих), поправка дорог, которая в горах повторялась каждый год по нескольку раз, а весной и осенью требовала особых трудов. Столь тяжелые повинности не могли не возбуждать против нас негодования в людях, которые по самому долгу религии должны были нас ненавидеть...

Такое положение дел всего лучше обеспе-

чивало успех для того, кто захотел бы продолжать дело Кази-муллы. А так как во всем народе недовольство и брожение были сильны и общи, то и невозможно было, чтобы не нашлось преемника для убитого имама. И действительно, через полгода после смерти Кази-муллы объявил себя формально его преемником Гамзат-бек, бывший прежде его помощником, а потом отделившийся от него. Восстание быстро разлилось по всем областям, покоренным русскими, и осенью 1833 года Гамзат-бек начал неприязненные действия против русских, располагая двадцатью тысячами войска. Главною целью нападения была Авария. Русские поняли теперь угрожающую им опасность и решились принять сильные меры; но Гамзат в первую половину 1834 года утвердил свою власть в Аварии, истребил фамилию аварского хана Абу-Нуцала, распространил свою власть во многих вольных обществах, наконец, пошел на цудахарцев и акушинцев. Здесь встретила его неудача; он должен был возвратиться в Хунзах; но здесь вспыхнул против Гамзата заговор, и 19 сентября 1834 года он был убит в мечети одним

аварцем. Но и его смерть не принесла русским ни малейшего облегчения: вслед за Гамзат-беком является на сцене действий Шамиль, бывший до того отдельным начальником и при Кази-мулле и при Гамзате. Он начал с того, что укрепился в Гоцатле, захватил казну покойного имама и довершил истребление ханской фамилии аварской, велевши убить малолетнего Булач-хана, который содержался при Гамзате – в Гоцатле. Решительность и быстрота действий вскоре приобрели Шамилю уважение горцев. Несмотря на то, сильные меры, принятые русскими, в течение трех лет довели Шамиля до крайнего изнеможения и совершенно парализовали его значение в горах. В октябре 1834 года он должен был бежать из Гоцатля, который был взят русскими и разорен. Вслед за тем смирились пред русскими полками взволнованные Шамилем аварцы, андалялцы, койсубулинцы и другие племена. В 1837 году, видя, что в соседних с Аварией обществах влияние Шамиля все продолжается, Ахмет-хан Мехтулинский, бывший в это время правителем Аварии, сам призвал русских в Хунзах. Под на-

чалством генерала Фезе совершена была в этом году блистательная аварская экспедиция, в которой участвовали очень значительные русские силы. Взяты были селения *Ашильта* и *Ахульго*, где находилось семейство и имущество Шамиля; затем сделан приступ к большому и укрепленному селению *Тилитлю* (в 22 верстах от Хунзаха), где находился сам имам. 4 и 5 июля произведены были атаки, а 7 июля Шамиль прибыл в стан Магомет Мирзы-хана, нашего союзника, поклялся на Коране – не волновать более горцев и в залог верности выдал русским аманатов. [5] Вслед за тем покорены были все аварские селения, не признававшие власти русских, и в сентябре 1837 года русские войска уже удалились из Аварии, чтобы подавить волнение, обнаружившееся в это время в Южном Дагестане.

В Аварии возведен был в это время целый ряд укрепленных мест, в которых оставлены были небольшие наши гарнизоны. Но и на этот раз видимая покорность горских племен продолжалась недолго, и наше господство во все не было здесь обеспечено. Гарнизоны,

оставленные в новых крепостях, могли бы, конечно, удерживать край в повиновении, но им приходилось, при довольно двусмысленном поведении самих жителей, давать еще отпор сильному врагу, который снова поднимался, едва только русский отряд ушел из Аварии. Тотчас по удалении генерала Фезе Шамиль опять явился на границах Аварии, построил себе крепкий замок – новый Ахульго, близ старого, почти на отвесной скале, и поселился в нем, продолжая заботиться о распространении своего влияния в горах. Имя его начинало уже приобретать громкую известность даже между русскими, и деятельность его признана была в то время очень опасною для нашей власти на Кавказе. Поэтому в 1838 году, во время проезда императора Николая из Грузии, генерал Кюки фон Клюгенау устроил свидание с Шамилем на Каранаевском спуске и всячески убеждал его отправиться во Владикавказ для принесения верно-подданнической покорности государю императору. Но Шамиль решительно отказался, говоря, что имам, глава правоверных, не может быть ничьим подданным.

Но эта несговорчивость была вскоре наказана русскими войсками. 1839 год был бедственным годом для Шамиля: генерал Головин привел к повиновению весь *Самурский* округ, жители которого прекратили даже всякую связь с Шамилем; генерал Граббе дважды разбил отряды Шамиля и 29 августа взял Новый Ахульго. Сам Шамиль едва успел избежать плена; сын же его Джемал-Эддин был взят и отправлен в Петербург, в Первый кадетский корпус. При взятии Ахульго погибли лучшие сподвижники Шамиля; значение его в горах значительно ослабело; Авария была вся в наших руках; гумбетовцы, андийцы и кой-субулинцы, недавно видевшие доказательства русской силы, старались избегать всяких сношений с Шамилем... Дело дошло до того, что ему, наконец, не было возможности долее оставаться в Дагестане. Русским оставалось только благоразумным управлением и вниманием к потребностям и обычаям жителей поддерживать спокойствие в крае, внушить покоренным племенам доверие к себе, привлечь их расположение, – и роль Шамиля была бы кончена на Кавказе. Но, к несчастью, в

это время русское управление выказало себя именно с такой стороны, что не могло не возбудить неудовольствия во вновь покоренном народе. Введение нового порядка суда и расправы не могло обойтись без злоупотреблений, и в горском населении, естественно, возникли неудовольствия и ропот. Сначала брожение было слабо и глухо; но потом оно перешло в открытое восстание. Поводом к нему послужила мера, придуманная тогда для обезоружения чеченцев. Им было предписано платить подати оружием, вместо денег. Предполагая, что русские хотят их обезоружить затем, чтобы потом истребить, чеченцы явно возмутились, и Шамиль отлично воспользовался их движением. В марте 1840 года он сам явился на Сунже с пятьюстами мюридов и прежде всего занялся переселением ближайших к нашим владениям аулов в Черные горы, где они были совершенно безопасны от наших «войск. Доказательством этого послужило поражение генерала Галафеева на Валерике в июле 1840 года.

С этого года Шамиль поселяется в Ичкерийском селении Дарго; отсюда начинается

блистательная эпоха правления Шамиля.

В течение 1841 года он успел нанести несколько сильных поражений нашим войскам, совершенно изменил в свою пользу расположение умов во всем Дагестане, присоединил к себе, кроме многих мелких обществ, часть Салатавии, почти все Койсубу и большую часть Андалаля, занял Унцукуль, Кикуну и Гергебиль. Несколько пунктов в Аварии, остававшихся в наших руках, были окружены враждебным населением и едва могли иметь сообщение друг с другом.

Но в 1842 году это вечное колесо воинского счастья опять оборотилось было в пользу русских. В начале этого года назначен начальником войск Северного Дагестана генерал Фезе, и в течение марта месяца все неудачи прошедшего года были поправлены. Непокорные племена усмирены, в первый раз приступлено было к прокладке сообщений (что впоследствии сделалось главным актом всякой экспедиции в горы), заложено несколько новых укреплений. Но в апреле генерал Фезе отозван был в Тифлис, и в апреле же вспыхнуло восстание в Кази-кумухском ханстве. Шамиль

опять им воспользовался. Сначала он потерпел поражение от князя Аргутинского-Долгорукого и должен был очищать Казикумухское ханство; но к концу лета поверхность была решительно на стороне Шамиля. В эту экспедицию, между прочим, генерал Граббе совершил бедственный переход через Ичкерийский лес, в котором мы потеряли до двух тысяч убитыми и ранеными.

Это поражение всего более подорвало наше влияние в горах и чрезвычайно усилило значение Шамиля. В восьмой год своего имамства он повелевал всю Чечнею и почти всем Северным Дагестаном, следовательно, располагал силами, каких до него не имел еще ни один из горских владетелей. Его власть признавали 230 000 семейств. В следующем, 1843 году командующий войсками в Северном Дагестане заботился только о сохранении нашего владычества в Аварии, как центре гор. Но и это не удалось: русским суждено было постоянно вооружать против себя туземное население, и это чрезвычайно ободряло Шамиля и давало ему новую опору в горских племенах, смотревших на него не иначе

как на избавителя от притеснений русских. Само собою разумеется, что горцам казались стеснительными самые даже благие меры нашего правительства. В образец того, как шло тогда наше управление на Кавказе, приведем, за неимением под руками других данных на этот счет, одно место из «Перечня событий в Дагестане» («Военный сборник», 1859, № 3, стр. 8–10):

Причиною наших неудач были, между прочим, неустройство управления и проистекающая оттуда неясность отношений покоренных к завоевателям.

Вокруг самого Дербента, где мы старались вводить наши гражданские постановления, было все еще дико, не приготовлено к этим реформам.

Например, жителю Табасарани или Кайтага приходилось иметь дело с чиновником окружного правления, который не понимал его языка и должен был говорить с ним иногда через посредство двух переводчиков: одного, знающего татарский и кайтагский, другого – русский и татарский языки. Первый переводчик, выслушав кайтаг-

ца, переводил его речь на татарский, прикрашивая ее по восточному обыкновению; второй переводил ее с татарского на русский язык. Таким же точно порядком кайтагец принимал решение или заключение нашего судьи. Легко представить, как это было затруднительно для обеих сторон, особенно при соблюдении всех формальностей наших гражданских постановлений. Нередко самый смысл просьбы или решения искажался через невразумительный перевод посредников, и тогда оба, и истец, и судья, смотрели друг на друга удивленными глазами.

Благодаря гражданскому делопроизводству выходили разные недоразумения. Например, в случае какого-нибудь уголовного дела по нашим законам, но вовсе не уголовного по понятию туземцев, как, например, убийство человека в кровомщении (канлы), – судьи наши заводили следственное дело по всем утомительным формальностям, требовали свидетелей, сажали в тюрьму обвиненных. Иногда дело, по недостатку законных свидетельств, тянулось по два и по три года, и все

это время виновные страдали в душном остроге, сами еще хорошенько не зная, за что их наказывают. Например, какой-нибудь кайтагец крадет у своего соседа лошадь, – дело весьма обыкновенное; его тянут в суд и волочат дело по нескольку месяцев. При этом порядке, разумеется, ни виновные, ни свидетели не обращались к нашему правосудию, а искали удовлетворения в собственных средствах, отчего положение наше в крае было крайне непрочным из-за недостатка администрации; а кто не согласится, что правильно приспособленная администрация есть могущественнейшее средство для обладания; вспомним только, как о ней заботился Шамиль! Ко всему этому, дагестанское начальство вовсе не вникало в дух народа и делало весьма важные ошибки. Например, в 1842 году управлять Андалалом был назначен Алипкач-бек, житель шамхальства. Назначение это крайне оскорбило всех влиятельных андалалцев, которые никак не считали себя ниже Алипкачева ни по уму, ни по знатности, ни по влиянию и поэтому

приняли назначение это за оскорбительную над ними насмешку. Старшиной чиркеевским был назначен некто Биакай, а Джамал чиркеевский, редкий умница и политик, его дети и родственники оставались в стороне и, не желая повиноваться Биакаю, вступили из мести в сношения с Шамилем. Многие из начальствующих лиц не хотели понимать характера горцев – которые, несмотря на свою бедность, крайне самолюбивы и горды – и держали себя в отношении их надменно. К одному из наших генералов пришли по делам дидойцы, бедные, оборванные, замасленные. Когда один из них приблизился к нему, нечистота его так поразила утонченный вкус нашего генерала, что он позволил себе оттолкнуть его. Тогда дидоец, покачав головою с видом глубокого сожаления и несколько не сконфузившись, сказал: «Не много надо иметь ума, чтоб пренебречь бедным человеком!..»

А Шамиль в то же самое время вводил несколько правильную организацию суда и расправы, сообразную с местными потребно-

стями и понятиями народа. Он строго смотрел за соблюдением *шариата*, измененного им согласно с его видами и нуждами народа; умел действовать и на воображение и на религиозное чувство горцев; умел задавать и страху тем, кто осмеливался выходить из послушания его воле... Ко всему этому прибавилось несколько значительных удач в делах с русскими, и сила Шамиля приняла громадные размеры в глазах туземного населения. Оттого нисколько не удивительны быстрые успехи его в сентябре 1843 года.

В продолжение каких-нибудь пятнадцати дней Шамиль занял всю Аварию и окружил самого генерала Клюгенау, начальствовавшего нашими войсками, – при селении Хунзахе. И нет сомнения, что отряд Клюгенау, отрезанный со всех сторон от сообщений и вследствие этого не получавший даже провианта, должен был погибнуть, если бы 13 сентября князь Аргутинский-Долгорукий с Самурским отрядом не выручил генерала Клюгенау из его незавидного положения... Вообще 1843 год был для нас одним из несчастнейших годов на Кавказе: с 27 августа по 22 декабря у нас

было убито и ранено 76 штаб- и обер-офицеров и до 2500 нижних чинов; кроме того, мы потеряли

35 орудий, 2150 ружей, до 14 000 зарядов, из которых до 6000 досталось неприятелю, 350 000 патронов, 50 пудов пороху, 180 палаток, 360 вьючных лошадей, большое количество провианта и пр. Наконец, Шамилем разрушено до основания двенадцать укрепленных пунктов.

На Кавказе 1843 год оставил страшное впечатление: доверенность к русским исчезла, Шамиля считали непобедимым. После десятков разных покорений, возмущений, усмирений, и опять восстаний, и опять покорений, и снова возмущений, – военные люди, знающие Кавказ, пришли к заключению, что лучше двигаться вперед медленно, но прочно, и для этого постепенно стеснять горное население линиями укреплений, лишить их возможности существовать в бесплодных горах и тем заставить их покориться. Но для того, чтобы это мнение принято было для практических действий, нужно было русским войскам перенести еще один горький опыт – поход в Дарго.

В 1844 году двинут был на Кавказ 5-й пехотный корпус, и с помощью его приказано было командиру Отдельного кавказского корпуса *проникнуть в горы, рассеять скопища Шамиля и утвердиться в горах*. Это было предписано в том предположении, что Шамиль не успеет еще прочно укрепить своего владычества в Аварии.

Бывший в то время корпусным командиром Отдельного кавказского корпуса генерал-адъютант Нейдгарт был человек характера нерешительного; кроме того, он считал предложенную ему задачу невыполнимою, а потому успех военных действий на Кавказе в 1844 году не соответствовал тем силам, которые находились там в то время. Вследствие того в декабре 1844 года назначен был вместо генерала Нейдгарта наместником Кавказа граф Воронцов, с правами, которых до него не имел ни один из наместников Кавказа. Граф Воронцов совершенно незнаком был тогда ни с краем, ни с образом кавказской войны и сперва смело взялся исполнить программу предстоявших ему действий, то есть:

- 1) разбить скопища Шамиля,

- 2) проникнуть в центр его владений и
- 3) утвердиться в нем.

И вот граф Воронцов, прибыв в Тифлис, предписал командиру 5-го пехотного корпуса, генералу Лидерсу, сосредоточить чеченский отряд у крепости Внезапной к 28 мая и в то же время приказал князю Бебутову с дагестанским отрядом двинуться к укреплению Евгениевскому.

Однако же после свидания с генералом Фрейтагом, бывшим против решительных движений в горы, граф Воронцов потерял ту самоуверенность, с какою прежде смотрел на свой поход в Андию.

Вот что писал он от 30 мая 1845 года к бывшему военному министру Чернышеву:

Повергните меня к стопам его величества; я не смею надеяться на большой успех нашего предприятия, но сделаю, разумеется, все, что будет от меня зависеть, чтобы выполнить его желания и оправдать его доверенность.[6]

Припомним несколько фактов из Даргинской экспедиции, чтобы видеть, каких усилий стоило нам прежде движение на Кавказе

и какого рода ошибки постоянно затрудняли для нас покорение страны, уже столько раз бывшей в наших руках.

Начиная поход, граф Воронцов полагал встретить упорное сопротивление со стороны Шамиля на первых шагах своего похода, при этом разбить его и затем уже двигаться гораздо спокойнее вперед. Но Шамиль счел за лучшее вести партизанскую войну: он пропускал Воронцова вперед, тревожил его отряд непрерывной перестрелкою из леса и, казалось, решился завлечь отряд к себе в горы и там окончательно истребить его, в чем он почти успел. 5 июня отряд встретил на своем пути высокую, крутую и занятую сильным неприятельским отрядом гору Анчимир. По-видимому, эта позиция была неприступна, в чем был уверен сам корпусный командир; однако же он отдал приказание генералу Пассеку занять эту гору и сбить неприятеля с его позиции, и через два часа гора была в наших руках.

Граф Воронцов сам, казалось, так мало надеялся на успех, что даже не дал никаких дальнейших приказаний генералу Пассеку, и его отряд, занятый преследованием неприятеля,

ля и очисткою дальнейшей дороги в Андию, отделился от главного отряда на пятнадцать верст и с 5 по 11 июня оставался по колено в снегу без топлива и продовольствия, — словом, без всяких средств, на высотах Зуну-Мерер.

В то же самое время, как люди Пассека мерзли на вершине горы, — люди главного отряда умирали от жара и жажды в долине; дальнейшее затем следование нашего отряда в Андию не представляет никаких дел, потому что Шамиль, потерявши проход, сам очищал дорогу, выжигая при этом окрестные аулы и ведя свою обыкновенную партизанскую войну. Мало-помалу мы подвигались все вперед; между тем запасы были израсходованы, пройденный нами путь снова занят неприятелем, и войска наши остались без продовольствия.

Наконец, 6 июля отряд, находившийся в довольно изнуренном состоянии, был двинут вперед для занятия Дарго, бывшего в то время местопребыванием Шамяля. Пока авангард наш брал завал за завалом, Шамиль очистил Дарго, зажег его и оставил. Войска авангарда

заняли Дарго, и наконец мало-помалу весь отряд вступил в него. Таким образом, несмотря на крайние затруднения и потери, прямая цель экспедиции была достигнута: Дарго, столица Шамиля (так тогда полагали), был занят, и неприятель был выбит из самых крепких позиций. Но этого оказалось недостаточно для того, чтобы привести к покорности горские племена: несмотря на то, что русское знамя развевалось в Дарго, лезгины и чеченцы не спешили изъявить подданнических чувств. Они, напротив, чувствовали, что русские не могут удержаться в занятых ими позициях, потому что не обеспечили себе сообщения с другими пунктами ближайших русских владений и не могли получать даже продовольствия и боевых припасов. Нам нет надобности распространяться здесь о важности обеспечения для войска безопасных сообщений: каждый, кто читал хоть самое коротенькое и поверхностное описание какой-нибудь войны, понимает, конечно, всю важность этого элементарного соображения. Понимали его и горцы. Оттого-то они совершенно спокойно смотрели на вступление русских в Дарго, бу-

дучи уверены, что войска наши скоро должны будут выступить из занятой позиции и погибнуть на возвратном пути. Действительно, идти было невозможно, потому что отряд не имел продовольствия, да и получить его было неоткуда, так как войска наши были кругом обложены неприятелем. Да и возвращение было не совсем удобно: надо было проходить через Ичкерийский лес, в котором нас ожидала если не совершенная гибель, то по крайней мере ужасный урон. Однако 10 июля на горах, находящихся пред Даргинским лесом, показался транспорт с хлебом. Но пробраться ему в Дарго было невозможно, потому что дорога через Даргинский лес была занята уже неприятелем и сильно укреплена, а мы с трудом могли пройти ее всем отрядом. Однако ж главнокомандующий послал навстречу транспорту половину своего отряда для принятия и доставления припасов в лагерь; авангард этого отряда был поручен генералу Пасеку, арьергард – Викторову, а всем отрядом начальствовал генерал-лейтенант Клюки фон Клюгенау. Отряд достиг до транспорта, хотя с огромною потерей: почти весь арьергард, а с

ним вместе и начальник его Викторов погибли в лесу Даргинском. На возвратном пути к Дарго отряд потерял Пассека, почти весь авангард и все припасы, которые были взяты из транспорта. Таким образом, вместо ожидаемых припасов, граф Воронцов получил только семьсот человек раненых, которых вынесли из леса.

На другой день отряд приготовился к выступлению на Герзель-аул. В то же время Воронцов, не надеясь на собственные силы (у него было 12 батальонов), послал предписание генералу Фрейтагу, чтобы он со всеми войсками, какие можно будет собрать, двинулся от Герзель-аула навстречу главному отряду. Медленно подвигаясь вперед, среди непроходимых лесов, отряд с огромными потерями достиг 18 июля до аула Шаухал-Берды, и только здесь в седьмом часу вечера войска главного отряда увидели авангард генерала Фрейтага. Войска, и пред тем уже делившие один сухарь на несколько человек (даргинский поход и известен под именем *сухарницы*), в течение пяти дней ничего не ели, кроме кукурузы. Потеря наша в эти дни прости-

ралась до 1200 человек убитыми и ранеными, и если бы Фрейтаг запоздал еще сутками, весь главный отряд непременно погиб бы.

20 июля прибыли наши войска в Герзель-аул, а 21-го главнокомандующий отдал следующий приказ по войскам Отдельного кавказского и 5-го пехотного корпусов («Военный сборник», 1859, № 5, стр. 61):

Воины главного действующего отряда! Наконец, твердостью, усердием и неустрашимостью вы исполнили трудный и славный подвиг, повеление государя нашего и наше собственное желание. С самого начала кампании неприятель со всеми своими сборищами не мог вам противостоять; он оставил нам без боя и Хубарские высоты и крепкую Буртунайскую позицию; он надеялся остановить нас на Мичикале, но славным подвигом взятия горы Анчимир оттуда прогнан; преодолев все трудности природы, мы пошли к Андийским воротам, где он не смел нас ожидать и сам предал огню и опустошению богатое андийское население; за Андией он хотел держаться на позиции, но постыдно прогнан с оной

горстью наших храбрецов. Когда мы увидели опять скопища Шамиля на горах, мы опять пошли на них, рассеяли их и дошли до самого Технуцала. Около Андии, где русские доселе еще никогда не были, мы жили спокойно, сколько нам было нужно; но этого еще не довольно: нужно было дойти до самого гнезда Шамиля, – мы пошли в Дарго, и хотя нашли дорогу труднейшую и леса, в которых они сильно защищались, ничто не могло нам противостоять, и Шамиль вынужден сам начать разрушение его жилища и заведений, которое мы после в полной мере довершили.

Действительно, несмотря на все потери 1845 года, поход Даргинский покрыл славою русские войска, которые доказали, что для них нет невозможного... Предначертанный план был исполнен, и Шамиль вынужденным нашелся оставить Дарго и избрать своею резиденциею укрепленный аул Ведень. Но в 1846 году, когда началось обратное движение частей 5-го пехотного корпуса в Россию, Шамиль произвел вторжение в Кабарду.

Важнейшим следствием Даргинской экспедиции было то, что мы отказались наконец от прежней системы войны на Кавказе. Сделалось ясно, что одним ударом, как бы он ни был силен, невозможно покорить свободные племена Кавказа. Тогда решились принять другую тактику, которую предлагали военные, знающие Кавказ, еще задолго до 1843 года: решились идти правильным, медленным путем прокладки путей в лесах и постройки укреплений, которые потом занимались всегда сильным гарнизоном, а не какою-нибудь одной ротой, как прежде. На этом пути встречены были нами огромные затруднения, так как все дело приходилось опять начинать почти с самого начала. В 1846 году влияние и силы Шамиля в горах были значительно больше, чем когда-нибудь, и бороться с ним было гораздо труднее, нежели в 1837 или 1842 году. Приходилось брать шаг за шагом, и действительно, наши войска с 1846 года подвигались вперед обыкновенно верст на двадцать в течение года; но зато на этом пространстве основывались уже прочно. Общий характер и главные подробности этого движения не раз уже изла-

гались в «Современнике», в статьях г. Зиссермана, к которым мы и отсылаем читателей.[7] Заметим только, что новая система действий с особенною силою и последовательностью приводилась в исполнение в последние годы, с прибытием (в октябре 1856 года) нового главнокомандующего и наместника кавказского, князя Барятинского. В это время был окончательно утвержден и план новой экспедиции, а с первых чисел декабря того же года приступлено к приведению его в исполнение. Эта экспедиция разделялась на два периода. В продолжение первого отряд занимался прокладкою просек в еще незанятой части Большой Чечни, что было окончено к 21 декабря; во второй же период, от 15 января до 1 февраля 1857 года, войска наши занимались истреблением непокорных аулов, находившихся в Большой Чечне. В марте месяце было построено нами временное укрепление в Большой Чечне, и этим положен конец даже возможности какого-нибудь волнения в этих местах.

Дальнейшие наши действия на Кавказе у всех еще в свежей памяти, и описанием их

может занять читателей только специалист, на месте ознакомившийся с событиями. Подобное описание действий 1858 года представляет статья г. Зиссермана, помещаемая в этой же книжке «Современника».[8] Затем – все совершившееся в нынешнем году, – то есть главным образом занятие Вены графом Евдокимовым и взятие самого Шамиля, – уже не требует наших описаний. Событиям этим может быть теперь придан новый интерес только сообщением новых подробностей от специалистов и очевидцев.

Теперь, припомнив главнейшие фазисы нашей вековой борьбы на Кавказе, мы, кажется, можем с большею основательностью оценить значение последних событий. Мы видели, что места, нами ныне завоеванные, принадлежали нам и прежде, но что владение это было непрочно и шатко. В течение почти полувека мы держались в военных действиях не той системы, с которою можно было иметь успех в горах, и вследствие того делали много частных ошибок и напрасных трат – денег, оружия и людей. Теперь ошибки эти признаны, система действий совершенно

изменена, и вследствие того Кавказ от Каспийского моря до Военно-Грузинской дороги покорен прочно и окончательно. Отныне, по словам высочайшей грамоты на имя князя Барятинского, «предстоит во вновь покоренной стране не утверждение власти нашей силою оружия, а распространение между новыми подданными России гражданственности и общественного благосостояния». Таким образом, характер нашей деятельности на Кавказе изменяется; но тем не менее нельзя сказать, чтобы все уже было там сделано. То, что теперь предстоит нам совершить для *обрусения* Кавказа, составит новый период борьбы, едва ли не труднейший, чем тот, который нами только что окончен. Вполне оценить все затруднения, ожидающие нас в цивилизации этого края, можно только на месте; у нас же до сих пор даже известия об этой стороне кавказских отношений наших были чрезвычайно скудны. Теперь внутренняя жизнь горских племен будет гораздо доступнее для русских наблюдений, и мы ожидаем весьма любопытных сведений по этой части. Но покамест, руководствуясь

теми скудными и часто неточными известиями, какие напечатаны до сих пор, можем сделать лишь несколько самых общих замечаний.

Отзывы наших кавказцев о нравах и быте горских племен очень разногласны. Некоторые хвалят простоту их жизни, великодушие, гостеприимство, отвагу; многие, напротив, уверяют, что в горы проник уже глубокий разврат, что горцы теперь – не только хищны и хитры, как дикари, но и подлы и алчны к деньгам в высшей степени, как самые цивилизованные азиатцы. Отзывы эти не так трудно помирить, как кажется. Вероятно, одним случалось видеть черкесов, еще оставшихся верными своим первоначальным обычаям и преданиям; другие же – и несравненно чаще – имели дело с горцами, которых уже коснулось веяние европейской цивилизации. Известно, как в самом начале усвоивается народом, всегда и везде, новая цивилизация: дурная, ложная, внешняя сторона всегда принимается раньше, чем истинно полезная и существенная. Вспомним хоть то, как мы сами усвоивали европейскую образованность со

времен Петра Великого!.. Разумеется, это происходит вовсе не оттого, чтобы человек по природе своей был склонен более к дурному, а просто оттого, что внешность и дрянь образованности можно перенять в несколько часов или даже просто купить, тогда как для усвоения внутреннего существа ее надобно органически развиваться. К этому присоединяется всегда и то, что сами цивилизующие гораздо охотнее принимают на себя в этом деле роль расчетливых купцов, нежели заботливых садовников. Не удивительно поэтому, что чеченцы и лезгины разворачиваются при одном только приближении цивилизации к окраинам их гор и лесов; но теперь русскому управлению и предстоит именно задача – сделать влияние образованности не губительным для чистоты нравов, а благотворным. До сих пор поневоле иногда приходилось русским действовать вопреки началам истинно цивилизующим: военное положение страны предписывало меры, которые могли развивать в горцах дурные страсти, но полезны были для утверждения нашего могущества. Например, система поселения и поддержания

взаимных раздоров между владельцами и племенами – необходима была для того, чтоб держать горцев в повиновении; а между тем от этого развивалось в племенах недоверие, подозрительность, неуважение общего интереса страны. Точно таким же образом, в продолжение нашей борьбы на Кавказе, мы необходимо должны были развивать в горских племенах и алчность к деньгам. Мы показали им, что деньгами можно покупать разные удобства жизни, а затем дали повод думать, что деньги можно приобретать не усиленным и честным трудом, а услугами нам, во вред их единоплеменникам. Так, нужно ли было наказать мирного черкеса, убежавшего к врагам нашим, – мы назначали ему цену, и его доставлял к нам иногда даже родственник его. Нужно ли узнать дорогу, – за известную плату является проводник; нужно ли сохранить в тайне какое-нибудь предприятие, – и тут за молчание давали деньги. Г-н Зиссерман рассказывает, как в 1852 году нужно было русским проникнуть в аул одного наиба, где находилось два орудия. Но аула нельзя было бы взять, если бы наиб хоть за несколь-

ко часов принял меры к защите; а между тем на пути к аулу было несколько чеченских деревенок и хуторов. Решились на подкуп, и действительно – все обитатели деревенок были подкуплены; и когда русские ночью проходили мимо их саклей, хозяева домов держали собак, чтоб те лаем не разбудили караульных в ауле, а некоторые указывали ближайший и удобнейший путь!..[9] Другой из кавказцев, г. Августинович, уверяет, что для горца ничего не значит продать даже отца или сестру, и притом за ничтожные деньги: нередко целая партия, в которой окажется и сам предатель, покупается за три целковых! Сам Шамиль долгое время боялся быть проданным, пока не окружил себя преданными мюридами, которые на все были для него готовы, потому что им только и могли они жить и поддерживать свое значение. Зато впоследствии он и сам пользовался возбужденною страстью горцев к деньгам: он оценивал головы людей, изменивших ему, покупал услуги мирных черкесов. Вообще лазутчиков с той и другой стороны было, как уверяют, в кавказской армии столько, сколько не имела их никогда ни од-

на армия. Мы знали всё, что делает Шамиль, и он точно так же знал каждый шаг наш... А между тем надо вспомнить, что борьба велась со стороны горцев за независимость их страны, за неприкосновенность их быта!.. До какой же степени лишены они были всякого сознания о национальном единстве и как мало ценили свою свободу!

Впрочем, это, вероятно, происходило и оттого отчасти, что под Шамилем была им уж плохая свобода. Наибы его действовали очень произвольно, грабили и наживались; а он, говорят, очень часто смотрел на это сквозь пальцы. Уважение к себе поддерживал он более страхом, нежели любовью: палач был при нем неотлучно, и казни были беспрестанны. Пока еще он имел успехи и мог защищать горцев от русских, – его чрезвычайно уважали и любили. Но как только успехи его прекратились, особенно же после того, как он выказал такую бездеятельность во все время Крымской войны, которою мог отлично воспользоваться, – значение его между горцами очень упало. Они увидели, что в нем нет для них прочной защиты от русских, и потому го-

товы были при первой возможности оставить его. В последние недели пред взятием Шамиля самые преданные ему сподвижники являлись в русский лагерь с покорностью; сами горцы вели русских, шедших на окончательное поражение горского вождя. Популярность Шамиля во впечатлительных умах горцев исчезла уже задолго до его плена, и известие о взятии его не произвело, говорят, особенного потрясения в горах. Ясно, что Шамиль уже сделал свое дело и не мог более противиться русским силам. Это давно уже поняли отважнейшие из его сподвижников, и некоторые, как, например, Махмет-Аминь, составляющий ныне главную надежду свободных племен, еще прежде удалились от него.

Таким образом, Шамиль давно уже не был для горцев представителем свободы и национальности. Оттого-то и находилось так много людей, способных изменить ему, хотя, по понятиям горцев, да и по законам Шамиля, измена народу считается важнейшим преступлением и наказывается смертью. Управление Шамиля казалось тяжело для племен, не привыкших к повиновению, а выгод никаких от

этого управления они не находили. Напротив, они видели, что жизнь мирных селений, находящихся под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее. Следовательно, им представлялся уже выбор – не между свободой и покорностью, а только – между покорностью Шамилю, без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским, с надеждою на мир и удобства быта. Само собою разумеется, что рано или поздно выбор их должен был склониться на последнее.

Отсюда ясно, что нужно для того, чтобы удержать и прочно связать с Россиею новое завоевание: нужно, чтобы всем горским племенам было гораздо лучше при русском управлении, нежели было при Шамиле. Из фактов, которые мы припомним из истории Кавказа, очевидно, что не случайное появление личностей, подобных Шамилю, и даже не строгое учение мюридизма было причиною восстаний горцев против русских. Коренною причиною была ненависть к русскому господству. Личности появлялись одна за другою, как и всегда появляются, только вследствие

общей народной потребности. Поэтому и падение личности до сих пор ничего не значило для сущности дела. За Кази-муллою явился Гамзат-бек, за Гамзатом – Шамиль; если бы явилась надобность, то и после Шамиля мог бы выступить на сцену новый деятель – Махмет-Аминь или кто-нибудь другой – все равно... И для того чтобы он не явился или не имел никакого успеха, нужно одно: чтобы, вследствие гуманного и справедливого управления, горные племена не нуждались более в подобных деятелях. Когда русское управление сделает то, что для горцев не будет привлекательною перемена его на какое-нибудь другое, – тогда только спокойствие на Кавказе и связь его с Россией будут вполне обеспечены.

И вот в достижении этого-то результата должен отныне состоять весь труд наш на Кавказе. Нельзя не сознаться, что труд будет очень велик. Нужно будет внушать диким племенам истинные начала образованности и гражданского быта, начала, уже извращенные в них во время предшествовавшей борьбы. Тогда поощрялось в чеченце корыстолюбие; теперь надо внушить ему уважение чу-

жой собственности. Тогда нужно было, разрушать в горцах враждебную нам любовь их к родине и поселять в них раздоры и распри; теперь придется вкоренять в них любовь к общему благу и требовать дружного содействия к интересам родной страны. Тогда нужно было военное шпионство и предательство; теперь необходимо развить в горских племенах понятия о честности, правде и благородстве... Как трудно будет совершить все это – можно себе представить, припомнивши только, что горцы все-таки смотрят на нас очень недоверчиво, что самая религия много препятствует им в усвоении истинной цивилизации и что они находятся под значительным влиянием своих мулл – невежественных и своекорыстных. Единственно возможное средство для приобретения их доверия и расположения состоит в существенном, значительном, ясном для них самих улучшении их быта.

И это улучшение должно быть не только произведено единовременно, но и поддерживаться постоянно. Из фактов прежней истории нашей борьбы на Кавказе мы видели, что

горные племена чрезвычайно склонны к волнениям. До сих пор завоевание края ничего не значило, ничего не обеспечивало; пройдши весь Дагестан из конца в конец и принявши покорность всех племен, мы все-таки были окружены непокорными и должны были каждый день быть готовыми на страшный бой с теми, которые вчера присягали нам в верности. Теперь, конечно, этого нельзя сказать: нынешнее покорение, следствие пятнадцатилетней, медленной, но верной тактики, – прочно и твердо. Наша сила основалась в самом центре гор; наши укрепления имеют прямое сообщение друг с другом и господствуют над всей окрестной страной; общее восстание в Дагестане невозможно при настоящем порядке дел. Но, по отзывам самих кавказских офицеров, все-таки не вполне еще устранена возможность волнений. Да и где же их не может быть? В Индии, в Алжире, в Ломбардии, везде, где чуждая администрация ставит себя в не совсем честное отношение к народу, везде начинаются волнения – бесплодные, безумные, но все-таки губительные для страны, обременительные для правитель-

ства...[10] Не составляют исключения и наши кавказские племена, привыкшие к беспорядкам и военной, бездомной, хищнической жизни. Малейший повод может восстановить их в то время, как этого можно всего менее ожидать. Кто мог в 1823 году, любуясь спокойствием покоренного Дагестана, видя разрозненность горных племен, сказать, что через несколько лет соединит их явление, совершенно новое в их жизни и вовсе не подходящее к их нравам?.. И действительно, не это явление, не мюридизм соединил их, а вражда к русскому владычеству, возбужденная еще более некоторыми злоупотреблениями администрации, допущенными в то время. Ныне вражда горцев ослабела, а наши силы на Кавказе гораздо больше прежних, и потому значительных волнений опасаться нечего. Но если их и не будет, а образуется в покоренных племенах одно глухое, затаенное недовольство, так и этого уже будет достаточно, чтобы не считать Кавказ окончательно *нашим*, пока это недовольство не исчезнет. Что нам была бы за польза в крае, вечно недовольном и враждебном, вечно готовом к восстанию и от-

ложению, при малейшей, даже призрачной возможности? Только надобно было бы лишнее войско держать в нем и лишние деньги тратить на усиление надзора за жителями...

Отсюда уже видно, как необходимо устройство в покоренной стране правильной, честной и благожелательной администрации, — не для собственных видов покорителей, но в интересах самих покоренных племен. Именно такая администрация и вообще такой путь для упрочения наших кавказских завоеваний и предначертывается нашим правительством, как видно из высочайшей грамоты на имя кн. Барятинского, из которой несколько слов привели мы выше.

В скором времени мы узнаем, без сомнения, и то, как приводятся в исполнение эти предначертания, и поспешим тогда обо всем сообщить нашим читателям возможно полнейшие сведения.

Примечания

Впервые – «Совр.», 1859, № 11, отд. III, стр. 19–42, без подписи. Авторство Добролюбова устанавливается списком его произведений, составленным Чернышевским (Аничков, I, стр. 17), а также гонорарной ведомостью «Современника» за 1859 год (ЛН, № 53–54, стр. 256). Чернышевский был в курсе работы Добролюбова над данной темой (см.: Чернышевский, XIV, стр. 382).

В. Э. Боград (Указатель, стр. 561) считает автором этой статьи П. И. Дмитриева, основываясь на свидетельствах самого Дмитриева в его прошениях о помощи в «Комитет общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» от 3 апреля 1862 и 27 сентября 1871 года, где Дмитриев в списках своих литературных работ называл эту статью, как написанную им «по желанию покойного Н. А. Добролюбова». Однако свидетельство Дмитриева не заслуживает доверия: в тот же список он включил, как опубликованную в «Современнике», и свою рецензию на «Уроки естественной истории...», составленные Ходецким, и

«Естественную историю» А. Горизонтова; рецензию эту Добролюбов забраковал и написал заново (см. в наст. томе прим. к этой рецензии).

В ГПБ (архив Добролюбова) сохранился отрывок статьи о Кавказских событиях – автограф Дмитриева. Эта рукопись была забракована Добролюбовым: ее текст полностью отсутствует в статье «О значении наших последних подвигов на Кавказе». Более того – в этой рукописи бегло описываются события, непосредственно предшествовавшие пленению Шамиля, и само это пленение (взятие аула Ведень генералом Евдокимовым, осада Гуниба и др.) – то есть именно то, о чем не стоило писать, по мнению автора статьи «О значении наших последних подвигов...» (см. наст. том, стр. 445). В небольшом списке «литературных трудов» Дмитриева перечислены лишь незначительные беллетристические произведения, а принадлежащий Дмитриеву текст рецензии на «Уроки естественной истории», написанной и забракованной той же осенью 1859 года, характеризует его как начинающего и неопытного автора, которого Доб-

ролюбов, видимо, пытался привлечь к литературной работе, оказывая ему материальную помощь.

Под «последними подвигами на Кавказе» Добролюбов имеет в виду взятие 25 ноября 1859 года русскими войсками аула Гуниб и пленение предводителя горцев Шамиля (ок. 1798–1871). Эти события не завершили так называемые «кавказские войны», начавшиеся еще в конце XVI века и окончившиеся в 1864 году, но предрешили их исход, что правильно понял Добролюбов. Вопреки всему тому, что писалось в то время как в реакционной, так и в либеральной прессе, Добролюбов утверждал, что «любуюсь на Шамиля», разъезжавшего под конвоем по русским городам и сменившего аул Гуниб на город Калугу, не следует обольщаться и придавать серьезное значение «словам, непрерывно раздающимся в обществе: “война на Кавказе кончена”».

Этот вывод, оказавшийся пророческим, Добролюбов обосновывал тем, что борьба горских народов отнюдь не была результатом зловредного влияния Шамиля и его предшественников. «Личности появлялись, – пишет

Добролюбов, – одна за другой, как и всегда появляются, только вследствие общей народной потребности». А эта «потребность» была обусловлена той колониальной системой, которая осуществлялась царизмом на Кавказе и которую обличал Добролюбов в настоящей статье.

Именно то обстоятельство, что русское управление на Кавказе «не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями», а Шамиль «в то же самое время вводил несколько правильную организацию суда и расправы, сообразную с местными потребностями и понятиями народа», и привлекло на определенном этапе народные массы на его сторону.

Однако с того времени, как Шамиль перестал быть «для горцев представителем свободы и национальности», народные массы от него отвернулись и его крах стал неизбежным. Так, правильно определяя причины возвышения и падения Шамиля, Добролюбов осознает, что временное влияние мюридизма на горские народы было связано исключительно с колониальными методами завоева-

ния Кавказа царизмом. Он не оправдывает ни русских колонизаторов, ни Шамиля с его мюридизмом – этим наиболее реакционным течением ислама, проповедовавшим непримиримую вражду и истребление всех «иноверцев». Суждения Добролюбова во многом совпадают со взглядами декабристов на общие причины неудач царизма на Кавказе. Еще М. С. Лунин в письмах из Сибири за двадцать лет до появления настоящей статьи отмечал, что недостаточно одержать на Кавказе победу, а надо для ее удержания еще организовать страну. «А система, принятая с этой последней целью, – писал Лунин, – по-видимому ошибочна, ибо она не удалась ни в западных равнинах, ни на юге, ни в горах» (М. Лунин, Сочинения и письма, П., 1923, стр. 45). Добролюбов не сторонник дикой жизни горцев, он – за приобщение отсталых народов к цивилизации, к образованности – но методами демократическими, соответствующими их национальным особенностям.

Комментарии

События на Кавказе вызвали появление большого количества статей – см. в «Библиографическом указателе печатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе». Составитель А. Гизетти (СПб., 1901).

[^^^]

Присоединение Грузии к России было оформлено в 1801 году опубликованием манифеста 18 (30) января.

[^^^]

Ермолов К. П. (1772–1861) – генерал, в 1816–1827 годах наместник в Грузии и командир отдельного Кавказского корпуса.

[^^^]

Слова Кази-муллы (Гази-Мухамеда – 1785–1832) Добролюбов цитирует по статье капитана Генерального штаба Окольничего «Перечень последних военных событий в Дагестане» («Военный сборник», 1859, № 1, стр. 355).

[^^^]

Аманат – заложник.

[^^^]

Письмо Воронцова Чернышеву Добролюбов цитирует по статье А.-Д. Г. «Поход 1845 года в Дарго» («Военный сборник», 1859, № 5, стр. 19).

[^^^]

См. «Совр.», 1854, №№ 9–11; 1857, № 11; 1858, № 1 и № 5; 1859, № 11.

[^^^]

Статья А. Л. Зиссермана называлась «Очерк военных действий на левом крыле кавказской линии в течение 1858 года».

[^^^]

См. статью А. Л. Зиссермана «Современное состояние Кавказа» («Совр.», 1857, № 11, стр. 25–42).

[^^^]

Речь идет о национально-освободительных движениях во второй половине 50-х годов XIX века в Индии против английских завоевателей, в Ломбардии – против австрийцев, за воссоединение с основной территорией Италии, в Алжире – против французской агрессии.

[^^^]